

• Автор: [Татьяна Становая](#)

[Уход Путина - крах режима?](#)



Как часто можно слышать словосочетания «конец режима Путина», когда «падет режим Путина» и т.д. Предполагается, что если исчезнет Путин, то исчезнет и его режим. У этой причинно-следственной связи есть множество достоинств, и есть своя логика. Но есть и большая доля «политизированности». Термин «режим Путина» очень часто употребляется в негативной коннотации, а использующий его (не всегда, но часто) подразумевает, что режим должен быть разрушен. Но действительно ли справедливо утверждать, что уход Путина будет означать конец его режима?

Для того, чтобы анализировать, что будет с режимом, предмет исследования следует разделить на две части. Первая часть – это функционирование ключевых политических институтов, закрепленных, прописанных в Конституции и федеральном законодательстве: институт президентства, парламент, выборы, партии, правительство и т.д. Как все будет функционировать в случае ухода Путина, каким бы ни был формат его ухода, в законах все достаточно четко прописано. В Основном законе зафиксированы три случая досрочной потери поста президента: это отставка, стойкая неспособность по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия и, наконец, отрешение от должности (импичмент). В нашем случае можно добавить и отставку по окончании срока полномочий, что уже имело место в 2008 году. В случае досрочной отставки исполняющим обязанности становится премьер-министр, а выборы проводятся не позднее трех месяцев с момента досрочного прекращения исполнения обязанностей.

Если мы представим, что Путин завтра объявляет о досрочном уходе (в силу неважно каких причин), главой страны в ранге и.о. становится Дмитрий Медведев. А выборы были бы назначены скорее всего на 1 июня. Тут есть два важных момента. Во-первых, критично высокое доверие Путина к Медведеву: президент, как и любой простой человек, не может не допускать минимальную вероятность досрочной отставки по причинам, от него не зависящим, и пост главы правительства логично было бы сохранить за тем, кто не наделает потом глупостей в лучшем случае, а пакостей – в худшем. Есть и другой момент – именно премьер, в случае наличия у него больших политических амбиций априори оказывается и наиболее опасным конкурентом. Это институционально, вне зависимости от его реального политического веса. Медведев в таком случае снова играет знакомую ему роль местоблюстителя.

В итоге система формальных институтов власти функционирует без формального нарушения конституционных механизмов. Однако функционирует это все именно формально. Есть серое правительство, которое за четыре года умудрилось практически не принять ни одного значимого решения. Есть парламент, который обозвали «взбесившимся принтером». Есть администрация президента, где следят за дееспособностью этой политической системы и обслуживают графики президента. Есть системные партии, где нет ни одной реальной оппозиции (реальная оппозиция – это те, кто публично и принципиально против Путина). Все формальные официальные институты власти наполнены внутри себя серыми политиками-винтиками. Система построена именно так: хочешь преуспеть, нужно плыть по течению. Каналы политического движения заполнены исполнителями, без автономной политической субъектности. Ограниченная субъектность появляется исключительно в контексте конкуренции либо за право быть еще более путинским в одних случаях («охранительные инициативы» думцев), либо за право сохранить свое место в других (например, когда КПРФ устраивает демарши в знак протеста против итогов региональных выборов). Все места распределены, роли

расписаны. И это вовсе не режим Путина, это – его институциональное отражение.

Параллельно с этим существует другая реальность, настоящий «режим Путина», который функционирует совершенно иначе, чем официальная система власти. И тут работают совсем другие институты.

Первое – это «вертикаль» власти. Термин, который Путин использовал во время своего первого срока и который обозначал восстановление государственности на всей территории России (предотвращение угроз сепаратизма), за которым скрывались федеративная реформа, обуздание Чечни, политическая кастрация губернаторского корпуса и многое другое. Единая вертикаль, как это понималось/преподносилось в начале 2000-х, означала единое правовое поле и иерархию исполнительной власти: президент, правительство, губернаторы. Речь шла о выстраивании вертикали системы органов именно исполнительной власти.

Но на практике и с годами «вертикаль» вобрала в себя все: федеральный парламент оказался в фактическом подчинении администрации президента, правительство де-факто возглавляет президент, который по Конституции не является главой исполнительной власти, главы регионов лишены политической автономии, а зависимость от федерального центра значительно выросла. С момента, как начали повсеместно отменять выборы мэров, вертикаль практически достроена до уровня местного самоуправления, который по Основному закону не входит в систему государственного управления. Законодательные ветви власти превратились в придатки исполнительных органов. «Вертикаль» – это когда в Кремле решают, снимать мэра или нет, давать ли муниципальные подписи кандидатам в губернаторы от КПРФ. И это не имеет ничего общего с формальными механизмами, которые, тем не менее, медленно на протяжении всех 15 лет подстраивались, подгонялись под более гармоничное сосуществование с институтами неформальными.

Второе – партия власти. «Единая Россия» – это первый успешный постсоветский опыт России в построении крупной и эффективной с точки зрения политического управления структуры, обеспечивающей Кремлю контроль не только над парламентом, но в значительной степени – особенно в последние годы – и над региональными политическими процессами. «Единороссы» удерживают большинство во всех региональных парламентах, почти все губернаторы – члены партии.

Третье – рейтинг. Критично важный институт путинского режима, на котором, как принято считать, держится все. Рейтинг – это тот самый цемент, который скрепляет все остальные институты в некий синхронно работающий механизм. Представим, что у Путина электоральный рейтинг упал до 5%. Что происходит с его ключевыми институтами? Партия власти тут же сталкивается с двумя системными рисками: это целостность и избираемость. Способность «Единой России» получать относительное большинство в Госдуме – это заслуга Путина и следствие его популярности. Нет Путина – нет «Единой России». У Путина – 5%, у «ЕР» будет 3%. Это подтверждается всеми примерами когда-либо существовавших в России «партий власти», которые были отражением уровня поддержки президента. Но что еще страшнее – партия власти начнет съезживаться и раскалываться. Вчерашние серые патриоты, консерваторы, защитники традиционных ценностей заговорят об ошибках власти, культе личности Путина, пустятся во все тяжкие с собственными политическими проектами. На месте одной большой партии появится с десяток мини-проектов.

Парламент перестанет быть «взбесившимся принтером» и станет местом для дискуссий. Губернаторы вспомнят, что избираются народом, а не назначаются Кремлем. Стоит задуматься: но сейчас без пристальной кремлевской опеки, любой сильный губернатор, который захочет избраться, сможет это сделать. Это потенциальная политическая и институциональная возможность, которая сегодня предоставляется системой. Почему в нынешней системе губернаторы этой возможностью не пользуются? По двум простым причинам. Первое – у Путина есть право увольнять губернаторов «за утрату доверия». И второе – у Путина есть силовики, которые придут и посадят, найдя дома золотые унитазы, а на рабочем месте – бриллиантовые ручки. А теперь представим, что у Путина – 5%. И попытки смести легитимно избранного губернатора оборачиваются многотысячными митингами. Образуется политический конфликт, в котором далеко не факт, что победит президент. Если же рейтинг остается высоким, то легитимность действий Путина будет выше легитимности действий губернатора.

Четвертое – неформальное «правительство» в широком смысле этого слова. Есть официальное правительство, принимающее решения (или не принимающее) и есть неформально работающий круг людей, с которыми Путин периодически советуется. Это «силовики», «системные либералы» и, конечно, «друзья» (Ротенберги, Ковальчуки, Шамаловы и т.д.). Сюда же можно отнести и российских «заведующих хозяйством». Это отдельная категория лиц, которым поручено управление крупными госактивами, проектами/стройками, территориями или даже функциями. Это рабочие лошадки путинского режима. Например, Собянину поручена Москва, Володину – внутренняя политика, Суркову – Украина и т.д. И в такой ситуации становится понятно, почему у государства нет внятного экономического курса: потому что нет человека, которому было бы доверено экономическое развитие. У Медведева, например, задача – блюсти пост премьера, а не развивать экономику. У него на это нет и рычагов. Госдума слушается Кремль, а не премьера (это тоже к вопросу о «цене» медведевского «лидерства» в партии власти).

Пятое – «институты-миссии». В отличие от «завхозов», эти, в понимании Путина, незаменимы. Это могут быть персоналии, а могут быть структуры. Например, Рамзан Кадыров – самый яркий пример человека-миссии. На него не просто возложена определенная задача (удержание Чечни), он стал неотъемлемой частью путинского режима – как партия власти или рейтинг. Кадыров для Путина – это как Путин для путинцев. Путин – Россия, Кадыров – Чечня. Это те случаи, когда происходит сращивание официального института и персоналии. Или другой пример – это ОНФ: [совершенно исключительная структура](#), пока ищущая свое место в политической системе, но явно набирающая политическую энергию с космической скоростью. Институтом-миссией стал Совбез, который вдруг оказался более востребованным, чем правительство. Эта странная связка военных с чекистами теперь обсуждает торговую политику России, высокие технологии и импортозамещение. Есть Агентство стратегических инициатив, де-факто ставшее министерством экономического развития.

Вот эти институты путинского режима – плоть и кровь механизмов принятия решений. Остальное находится за пределами этого процесса или направлено на его обслуживание. И все эти институты «привязаны» к имени Путина. Именно поэтому логично полагать, что если завтра Путина в силу тех или иных причин не окажется на посту президента, порвутся и все невидимые нити управления.

Однако могут и не порваться. Нынешняя политическая система наделена гигантской потребностью в самосохранении. И если Путин перестает быть гарантом ее стабильности, она тут же вступит в борьбу за «нового Путина». Как уже говорилось, «цементом» путинского режима является его рейтинг. Но рейтинг относится не только к Путину как человеку, но и к комплексу «путинизмов»: антиамериканизм, Крымнаш, популизм, консерватизм, патернализм и т.д. Путин оказался привлекательным для народа политиком потому, что отвечал потребностям, которые сформировались на рубеже веков. А успешность политического лидерства обеспечена наличием ресурсов эти потребности «покрыть». Поэтому объективно после Путина самой перспективной силой, которая может занять «политический верх», оказывается пропутинская сила, успех которой также будет зависеть от наличия у государства ресурсов. И эта сила может оказаться гораздо радикальней, авторитарней и консервативней Путина. И это может стать вторым изданием «путинского режима», более жестким и более репрессивным. При этом могут быть и самые разные [вариации](#) трансформации путинского режима в зависимости от характера ухода Путина, степени добровольности, уровня его популярности.

Путинский режим как комплекс автономно функционирующих институтов настолько укоренился в системе управления, что Путин сам стал лишь одним из его элементов. И степень «выживаемости», запас прочности у его институтов остается крайне высоким: во-первых, на этот режим сохраняется социальный спрос (а это большой политический капитал, кто владеет им – владеет Россией), во-вторых, у институтов Путина есть большая инерция, которую невозможно прекратить моментально. Путинский режим рухнет тогда, когда политический спрос на перемены, как социальный, так и элитарный, превысит стремление системы к самосохранению. И это уже совсем другой вопрос, лишь косвенно имеющий отношение к фигуре Путина.

теги

[Путин](#)

[Putin](#)

категории

Politics

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu